

СПЕЦНАЗ
ВДВ

Сергей ЗВЕРЕВ

**ЮЖНЫЙ
ФРОНТ**

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев
Южный фронт

«ЭКСМО»

2012

Зверев С. И.

Южный фронт / С. И. Зверев — «Эксмо», 2012 — (Спецназ ВДВ)

В одной из латиноамериканских стран предпринята попытка военного переворота – в столице идут кровопролитные бои, и повстанцы вот-вот свергнут действующую власть. Принято решение об эвакуации российского посольства. Сотрудники спешно покидают страну на самолете, но терпят крушение в нескольких километрах от материка. На этом испытания чудом выживших российских граждан не заканчиваются. Разбившимся воздушным судном заинтересовалась местная банда контрабандистов... На помощь пассажирам и членам экипажа отправляются бойцы спецназа ВДВ под командованием майора Андрея Лаврова – легендарного Батяни.

Содержание

1	5
2	10
3	13
4	15
5	19
6	23
7	26
8	30
9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Южный фронт

1

Выстрелы начали звучать еще на рассвете. Едва первые лучи восходящего солнца вырвали из мрака кофейные плантации, со стороны пригорода в столицу вошла колонна бронетехники. Полиция, будучи в замешательстве, не сумела оперативно отреагировать на надвигающуюся угрозу. Да что там отреагировать! Командиры нескольких полицейских постов на въезде в город даже не смогли правильно оценить ситуацию и увидеть очевидное – столице грозит опасность. Движение колонны танков и бронетранспортеров в преддверии военного парада, приуроченного ко Дню независимости родной латиноамериканской республики, не рассматривалось полицейскими чинами как нечто необычное. Репетицию парада, в конце концов, никто не отменял.

И все же на первом посту ради соблюдения формальности полицейские попытались остановить движущуюся группу техники и проверить документы. В ответ на это находящийся во главе колонны танк открыл огонь. Пост был уничтожен в считанные секунды. Колонна практически беспрепятственно продолжала движение, уничтожая на своем пути все посты полиции. Пока министерство внутренних дел и президентская комиссия по обороне сумели соединить воедино разрозненные данные о сложившейся ситуации, бронетехника успела пройти полгорода, приблизиться к центру и рассредоточиться для ведения стрельбы по важнейшим правительственным объектам. Следом подтянулись десятки грузовиков с вооруженными до зубов солдатами. По команде они покинули кузова автомобилей и небольшими группами выдвинулись к условной границе, отделявшей элитный центральный район столицы от остального города.

Мобильный отряд под прикрытием нескольких вертолетов направился напрямик к президентскому дворцу. Задачей участников данного отряда был арест президента республики либо в случае сопротивления – его физическое уничтожение.

Власть президента, имевшего неумные аппетиты буквально во всех сферах жизни и деятельности страны, давно вызывала возмущение части здешнего общества, в том числе и военных. Победить коррумпированного руководителя республики в честной борьбе на избирательных участках было невозможно хотя бы потому, что честных выборов в стране давным-давно не было и в обозримом будущем не предвиделось. Слабые попытки гражданских протестов после последних выборов были жестко пресечены президентской гвардией. Десятки активистов были убиты, сотни ранены и брошены в тюрьмы. В среде военных начало нарастать недовольство. Своего пика оно достигло в период экономического кризиса, когда президент львиную долю бюджетных денег направил своей «железной волей» на очередную бессмысленную «стройку века». Все прекрасно понимали, что преобладающая часть средств оседет в карманах самого господина президента и приближенных к нему бизнесменов. Ряд высших военных чинов решился на заговор и переворот с известной целью. Ничего нового для Латинской Америки они этим самым не открывали. За все время своего независимого существования латиноамериканские государства пережили не одно потрясение, включая военные перевороты и гражданские войны. Современные заговорщики являлись лишь продолжателями старых повстанческих традиций.

Повстанцы рассчитывали на фактор неожиданности. На первых порах им это удавалось. Однако выезд мобильной группы для ареста президента был шагом несколько запоздалым. Бойцы президентской гвардии заблокировали все пути к резиденции руководителя страны

и встретили мятежную группу ожесточенным огнем. Вертолеты сопровождения попытались расчистить дорогу для мятежников. Для этого был открыт огонь из крупнокалиберных пулеметов по скоплению президентских сил. Стрельба внесла на короткое время сумятицу в их ряды. Часть заграждений была разбита. Среди гвардейцев появились убитые и раненые. Однако вскоре началась ответная стрельба по вертолетам. Словно из-под земли появились гранатометчики. Двух прицельных выстрелов хватило, чтобы обе винтокрылые машины рухнули горящими обломками на землю. Мобильная группа повстанцев была вынуждена принять бой и сообщить по радиации своему руководству о неудаче.

Все выглядело так, будто план молниеносного переворота терпел провал. Командование повстанцев спешно приняло решение брать центр столицы всеми имеющимися силами. Мятежники рассчитывали смять сопротивление президентской гвардии до прихода в столицу верных президенту частей вооруженных сил с юго-восточного направления. Считалось, что последние не смогут быстро выдвинуться на помощь гвардейцам. Однако и в этом организаторы мятежа просчитались. Верные руководителю государства войска объявились в столице до полудня. И то, что еще совсем недавно было похоже на хорошо спланированную акцию, в одночасье превратилось в беспорядочные уличные бои в центре и на подступах к нему. Перестрелки с целью продвинуться вперед на один квартал длились часами. Солдаты зачастую не понимали, кто находится перед ними – свои или чужие.

То и дело рвались снаряды и гранаты, звучали автоматные и пулеметные выстрелы. Некоторые районы города были обхвачены густым дымом. Горели как административные здания, так и жилые дома. Несмотря на смертельную опасность, множество горожан не спешило затаиться. Молодые от старожил, а те, кто постарше, из своего опыта знали, что представляет собой главную ценность в условиях военного переворота. Такой ценностью были три вещи: оружие, продукты и питьевая вода. Все остальное отступало на второй план. И пока военные сражались на улицах между собой, гражданские вовсю охотились за указанными ценностями. Кто-то грабил магазинчики и целые супермаркеты. Кто-то тащил уцелевшие автоматы из зоны танкового обстрела, где полегли солдаты одной из сторон конфликта. Мародеры шарили и по разрушенным артиллерийским огнем полицейским участкам. На одной из окраин наиболее наглые «гражданские лица» разграбили арсенал. Единственный БТР, охранявший его, был забросан бутылками с зажигательной смесью и сгорел за несколько минут. На подмогу подошел полугрузовик с солдатами правительственных войск. Грабители бросились в рассыпную, словно напуганные крысы. Военные без раздумий открыли огонь, отправляя на тот свет всякого, кто оказался под прицелами их оружия.

Везде, где только оказывалось возможным, повстанцы обстреливали правительственные здания и уж потом продвигались вперед. В противном случае им гарантировался обстрел с тыла. В большинстве таких зданий находились силовики, остававшиеся верными президенту.

Немалое число административных построек горело, выбрасывая в небо клубы черного дыма. Целые этажи были раскурочены танковыми снарядами или ракетами гранатометов и представляли собой жалкое зрелище. Доставалось и элитным высоткам. Малейший намек на угрозу, исходившую от них, провоцировал массированный обстрел соответствующих кварталов. Стрельба не утихала даже на несколько минут. Повсюду слышались взрывы. То там, то тут возникали новые очаги пожаров. Гибли и повстанцы, и бойцы, верные президенту, и простые граждане, которые в конфликте были исключительно сами за себя.

Впрочем, среди простого народа хватало тех, кто сам чуть ли не лез под пули. Помимо упомянутых мародеров, центр столицы и ближайшие к нему кварталы кишели зеваками. Неведомая сила порождала в них невероятное любопытство и толкала на улицу, чтобы поглазеть на перестрелку или обстрел из танков очередного чиновничьего логова. Естественно, что в таких условиях никто не мог гарантировать им безопасность и сохранность здоровья. Зеваки падали, скошенные автоматными или пулеметными очередями. Они оказывались в эпицентре взрывов

или неподалеку от них. Среди трупов, которыми были усеяны центральные улицы, тела гражданских лиц составляли едва ли не половину...

На северной окраине столицы было гораздо спокойнее. От царившего в центре хаоса туда доходили лишь приглушенные отзвуки, которые напоминали раскаты бушующей вдалеке грозы. Здесь располагался особый район, где находилось подавляющее большинство посольств иностранных государств. Отдаленность от главных очагов боев и относительное спокойствие ни у кого иллюзий безопасности не вызывали. Еще утром сотрудники посольств получили информацию о чрезвычайной ситуации в столице. Данные были весьма путаными. Нельзя было понять, кто какими силами и с какой целью затеял заварушку. Однако понятным было то, что оставаться в городе не стоило. Официальные органы латиноамериканской республики никаких разъяснений по поводу ситуации в стране не давали. Послы после консультаций со столицами своих государств в одностороннем порядке принимали решения покинуть республику до «стабилизации обстановки на основах подлинной демократии». Удерживать их было бессмысленно. И как бы трудно ни приходилось правительственным силам в те часы, они были вынуждены перебросить часть верных сил на обеспечение эвакуации посольств. В международный аэропорт, расположенный чуть севернее посольского района, уже стали пребывать самолеты разных государств, чтобы принять на борт дипломатов. Задачей усиленной полицейской охраны было сопровождение транспорта с сотрудниками посольств до аэропорта.

Среди прочих эвакуироваться начало и российское посольство. К зданию подъехали три автобуса. Сотрудники быстро, но без паники, погрузили в один из них самый ценный груз, включая документацию и оргтехнику. Затем во всех трех автобусах разместились дипломаты, члены их семей, технический персонал. Все было готово к отправке, и российский посол собирался отдать водителю головной машины распоряжение выдвигаться. Однако процесс эвакуации неожиданно притормозил военный атташе, который попросил немного обождать. Он выбежал из автобуса, приблизился к парадному входу, снял с крепления российский триколор и вернулся обратно. На изумленные взоры коллег и подчиненных он ответил: «Не хочу, чтобы из нашего флага какая-нибудь местная проститутка сварганила себе платице». Посол кашлянул, пожал плечами и распорядился отправляться.

Колонну автобусов при повороте на трассу, ведущую к аэропорту, возглавил полицейский броневик. Замыкал колонну полугрузовик, оснащенный пулеметом. Сотрудники российского посольства бросали взоры в сторону центральной части города. Виднелись столбы дыма и едва различимые очертания барражирующих в небе вертолетов. Слышался грохот, который все меньше и меньше напоминал грозу. Никто даже на секунду не усомнился, что эвакуация – это единственно правильное решение в ситуации вялотекущего военного переворота с непредсказуемыми последствиями.

Движение в сторону аэропорта было весьма оживленным. По всей видимости, туда спешили не только представители дипломатических миссий, но и другие иностранцы – бизнесмены, разного рода консультанты, незадачливые туристы. Дорожная полиция, как могла, старалась сохранять на трассе порядок. Колонны, сопровождаемые полицейскими машинами, имели больший приоритет, чем все остальные. Однако сопровождение, кроме собственно охраны, ничем больше не занималось. И наиболее внимательные пассажиры третьего автобуса видели, что за колонной увязался какой-то джип и следовал за ней на протяжении нескольких километров. При общей тревожной обстановке можно было заподозрить неладное. Однако вскоре джип свернул на смежную дорогу и практически сразу исчез из виду. Теперь могло показаться, что водитель той машины просто использовал конвой, создавая для себя и своих пассажиров иллюзию безопасности. Другой автомобиль, который менее навязчиво, но все-таки приклеился к колонне, шел почти до самого аэропорта. Полицейские с полугрузовика никак на него не реагировали, так как следом двигалось еще с полдесятка машин с явной целью – эвакуироваться. Ничего подозрительного стражи правопорядка не заметили.

Автобусы с россиянами успешно прибыли в аэропорт. Там царил невероятное оживление. Сотни людей стремились поскорее попасть на взлетную полосу, сесть в предназначенные им самолеты и улететь отсюда. Чрезвычайность ситуации вынуждала работников аэропорта и таможенной службы свести паспортный и иной контроль до минимума. В противном случае, они рисковали сформировать огромные очереди недовольных людей и тем самым создать почву для беспорядков. Пропуск пассажиров еще больше ускорился, когда поступила информация о том, что военные действия перенеслись на север столицы. Бои между мятежниками и президентскими силами шли в еще недавно спокойном посольском районе.

Россиян, как и остальных пассажиров, пропускали без личного досмотра лишь по предъявлении паспорта. Диппочта, посольская документация, как и все остальные дипломатические грузы, проверке не подлежали. Более того, службы аэропорта с оглядкой на сложившуюся ситуацию разрешили автобусу российского посольства с документацией и оргтехникой проехать на взлетное поле к самолету. Это значительно ускоряло процесс эвакуации. Сотрудники посольства быстро разгрузили автобус и под присмотром летчиков перенесли вещи в самолет. Командир экипажа старался не нагнетать атмосферу и дипломатов особо не поторапливал. Лишняя суматоха и панические настроения ему были не нужны. Между тем он трезво оценивал обстановку. С трапа самолета вполне отчетливо просматривалась дымящаяся окраина столицы.

Когда весь груз оказался на борту, а сотрудники посольства устроились в креслах, была проведена перекличка. Один из секретарей зачитывал фамилии и должности с распечаток, находившихся в папке раздражающего ярко-красного цвета. После переклички стало ясно, что никого ни в городе, ни по дороге, ни тем более в аэропорту не потеряли. Можно было взлетать, о чем дипломаты сообщили экипажу и лично командиру. Тот едва заметно вздохнул и, промолвив: «С богом!» – начал отдавать своим помощникам указания. Местные отогнали трап. Самолет выдвинулся на выделенную ему часть взлетной полосы. Совсем рядом влетали и приземлялись десятки самолетов. Эвакуации ожидало множество людей. Россиянам казалось, что их проблемы позади. Стоило самолету оторваться от земли и поднять шасси, большинство пассажиров непроизвольно с облегчением вздохнули.

За тем, как взлетал российский самолет, наблюдали не только работники аэропорта и граждане других стран, ожидавшие своей очереди на эвакуацию. За взлетом наблюдали местные. Это не были зеваки. В нескольких метрах от забора, огораживавшего взлетную полосу, стоял черный джип. Коренастый водитель и долговязый с крючковатым носом пассажир – оба типичные латиносы – находились рядом с машиной. Они провожали взглядами самолет с российскими опознавательными знаками. Долговязый при этом молчал, а водитель тихо переговаривался по телефону.

Когда «стальная птица» практически исчезла из поля зрения, превратившись в едва заметную точку, пассажир повернулся к шоферу и вопросительно посмотрел тому в глаза. Водитель, закончивший телефонный разговор, поежился от этого холодного колючего взгляда бандитского главаря – прожженного хитрого гангстера.

– Все будет, как и договорились, – водитель поспешил прервать невыносимое молчание. – Для беспокойства нет никаких причин, сеньор Гарсия.

– Что с маршрутом? – сильным голосом спросил крючконосый.

– Маршрут просчитан. Уже можно высылать катер, – ответил водитель.

– Отлично, Хуан, не зря я тебя вытащил из трущоб и взял своим порученцем. – Хулио Гарсия оскалился неприятной улыбкой. Он извлек из кармана пачку сигарет, достал одну и манерно поместил между зубов. Порученец тут же щелкнул зажигалкой, которая появилась у него в руках, словно по волшебству. Долговязый закурил, затягиваясь дымом. Хуан Эскальдо старался уловить каждое его движение, каждый жест, чтобы не пропустить чего-то важного. Понимая это, Гарсия ухмыльнулся и промолвил:

– Да ты не суетись так. Если все идет по плану, то лишней суеты нам и даром не надо. – Он пустил несколько дымовых колец. – Тем более что мы отправляемся оба. Порученец спешно закивал, соглашаясь с хозяином.

2

Небольшой остров жил своей обычной жизнью. Здешних обитателей почти не коснулись выгоды и соблазны цивилизации. Казалось бы, от материка остров отделяло всего лишь полсотни миль. Однако жизненный уклад здесь был совершенно иным, чем на материке. Архаичным, патриархальным, первобытным – как только не называли их уклад ученые и журналисты. Нет, здесь никто не ходил в звериных шкурах и не носился с каменными топорами. Однако единственная на острове деревня мало отличалась от поселений, имевшихся здесь многие десятки сотен лет назад.

Несколько рядов примитивных хижин располагались в двухстах метрах от береговой линии. Первый их ряд отличался тем, что постройки находились на невысоких деревянных сваях. Вода обычно так далеко не заходила на остров. Но память о том, что такая опасность вполне вероятна, заставляла жителей возводить именно такие хижины. Жилища, стоявшие чуть поодаль, свай не имели. Но и фундамента, как такового, у них тоже не было. Хижины словно вырастали из песка.

На окраине деревни стояла старая обветшавшая католическая церковь. Она давно была закрыта. Священников, желавших остаться на этом острове, не находилось. Местные жители ведь только формально считались католиками. А на самом деле в их вере было переплетено христианство с язычеством. К тому же это было не развитое язычество с многобожием, а первобытные верования с представлениями о духах, сверхъестественных связях между людьми и живой природой, о возможности магическим образом воздействовать на окружающую действительность. Эти взгляды были поистине неистребимыми. Поэтому и священники здесь задерживались ненадолго.

За церковью начинались настоящие джунгли, простиравшиеся на оставшуюся часть острова. Жители деревни издревле промышляли рыбной ловлей. Охота являлась для них лишь дополнительным промыслом. С точки зрения рыболовства на острове был удобным только один берег. И именно возле него находилась деревня. Остальная же часть в силу особенностей рельефа считалась непригодной для ловли рыбы. Поэтому островитяне даже не пытались освоить эти участки. Более того, у местного люда сложились определенные предубеждения на этот счет. И никто не собирался их преодолеть.

В тот вечер выдался отличный улов. Мужчины, прибывшие с моря, сортировали пойманную рыбу. Пожилой алькальд – деревенский староста – Габриэль Корсега вышел к ним, чтобы поздравить с удачей и принять чисто символическое участие в сортировке.

– Духи моря слышали нас, – с улыбкой промолвил он, оценивая количество пойманной рыбы.

– Давно должны были, – ответил за всех самый старший из рыбаков, намекая на долгое отсутствие более-менее приличного улова.

– Мы достойно выдержали испытание, и духи нас отблагодарили, – староста с полуслова уловил намек. – Хорошо, что мы не отчаивались, а продолжали упорно трудиться, выходить в море даже тогда, когда все казалось безнадежным. Вот и воздалось нам за наше упорство и наш труд. Если бы мы просто лежали и ничего не делали, то с неба к нашим ногам рыба не упала бы.

– Да и птица тоже, – добавил старший рыбак, на лице которого играла довольная улыбка.

Алькальд машинально поднял голову и посмотрел на ясное предвечернее небо. Красное солнце медленно клонилось к закату. Немногочисленные птицы кружились неподалеку от побережья. Охотясь на рыбу, некоторые срывались вниз и тут же устремлялись от морской поверхности ввысь. Зрелище, виденное стариком сотни раз до того, все равно было потрясающим. Он смотрел и смотрел на птиц, совершавших свои дивные движения на фоне медленно разливающегося алого заката. Рыбаки то и дело бросали на зачарованного Корсегу взгляды,

однако ничего по поводу его зачарованности не говорили. Староста – весьма уважаемый в деревне человек. И нужно быть изрядным наглецом, чтобы насмеяться над ним. По крайней мере в открытую. Лишь близкие товарищи позволяли себе дружеское подтрунивание. Не исключением здесь был и упомянутый выше старший рыбак. Именно он отвлек алькальда от созерцания птиц, с улыбкой заметив:

– Ты все еще надеешься на чудо. А чудо давно здесь. У каждого из нас под руками, – он кивнул на рыбу.

– Да-да, – не отводя взгляда от моря, промолвил Габриэль. – Там вдали какая-то большая птица. Летит в нашу сторону. Судя по всему, очень большая. Наверное, с материка удрала.

Рыбаки, как по команде, повернулись и устремили свои взоры в западном направлении. После секундного замешательства ватага оживилась, выражая всеобщее изумление.

– Кажется, это не птица, – прошептал старший рыбак, с лица которого быстро сошла улыбка.

– Самолет?! – поражаясь собственному открытию, воскликнул староста.

И действительно, с каждой новой секундой становилось все более и более очевидным, что к острову приближается пассажирский самолет. Для всех без исключения мужчин это стало загадкой. Авиационная техника в районе острова появлялась очень редко, да и была она, как правило, не таких габаритов. Самолетики, вертолетики – да, но уж никак не громадина гражданской авиации. Алькальд, как и остальные, ошарашенно смотрел на стремительно вырисовывающиеся контуры летающей махины.

– Куда он летит? И почему вдруг так низко? – сказал Корсега, обращаясь с вопросами ко всем вместе и ни к кому конкретно.

– Да он явно держит курс на наш остров и к тому же продолжает снижаться! – воскликнул старший рыбак.

– Как снижаться?! Не может быть! – алькальд заволновался. – У нас же здесь нет взлетной полосы! Они там с ума посходили, что ли? Они же разобьются!

– Кажется, они на самом деле собираются сесть, – предположил рыбак.

– Так чего же мы стоим?! – не успокаивался старик. – Нужно как-то сообщить летчикам, что они сбились с курса. Мы не должны вот так стоять и смотреть, как они ведут самолет на верную гибель. Нужно отправить кого-нибудь в деревню за рацией. Надо срочно связаться с экипажем.

– Мы не успеем, – трезво оценил ситуацию рыбак. – Как бы эта громадина не рухнула прямо на нашу деревню.

– Дьявол! Надо спасать наших женщин и детей! – затараторили мужчины и, бросив улов, двинулись к хижинам.

Старший рыбак и невольно оказавшийся под его влиянием староста призывали их не торопиться. Да, огромный самолет приблизился к острову настолько, что можно было отчетливо услышать гул его двигателей. Да, он стремительно терял высоту. Но при всем при том крылатая машина двигалась более-менее плавно и под таким углом, что рухнуть прямо на деревню никак не могла. Рыбаки остановились. Пассажирский самолет с ревом пронесся над ними. Колоссальное облегчение почувствовал буквально каждый из мужчин, когда самолет пролетел над деревней и продолжил свой полет. Все надеялись, что пилоты справятся с управлением, самолет наберет нужную высоту и продолжит свое путешествие в восточном направлении.

Но самолет снизился до самого критического уровня, а затем опустился еще ниже и в конце концов рухнул где-то в глубине острова среди джунглей. Мужчины замерли, ожидая взрыва. Однако прошла минута, а затем вторая и третья... А взрыва в джунглях так и произошло. Стали гадать, почему. Перевесило мнение старосты, что топливо в самолете было на исходе и взрываться было нечему. Тем временем замелькали фигуры взволнованных односельчан. Послышались призывные крики. Жены, дети, другие родственники и просто соседи высы-

пали на улицу, ожидая возвращения рыбаков. Отойдя от ступора, мужчины собрали отсортированный улов и двинулись в деревню.

Говорили они мало. А если говорили, то с плохо скрываемой дрожью в голосе. Кто про рыбный суп, кто про жаренную на костре рыбу. О самолете – ни слова, будто его и не было. Словно он привиделся всем в кровавом свете заходящего солнца. Так продолжалось до самой деревни. Навстречу выбежал парнишка лет восьми и, обращаясь к своему отцу, возбужденно заговорил об упавшем самолете: «Вон туда полетел! Такой огромный, как половина нашего острова! Так низко летел. Я видел в окнах людей. Они сейчас где-то там». Мальчуган кивнул в сторону джунглей. Отец неодобрительно посмотрел на сына и молча покачал головой. Рыбак давал сыну понять, что никто того слушать не будет. По крайней мере сейчас, когда солнце почти закатилось за горизонт, а темнота начала быстро укрывать собою остров.

Рыбаки, десятки раз выходившие в море без страха, тем не менее боялись бежать вглубь острова, да еще и на ночь глядя. Боязнь эта была порождена здешними религиозными суевериями. И когда у некоторых возникли робкие сомнения в оправданности этого страха, Габриэль Корсега заявил:

– Никто из нас не может пойти туда среди ночи. Там живут духи умерших. А они не очень любят гостей, особенно ночных! Тем более что эта машина уже наверняка потревожила их спокойствие!

Ослушаться старосту никто не смел.

3

Майор ВДВ Андрей Лавров в строгом соответствии с распорядком дня проводил с личным составом занятия по рукопашному бою. Будучи командиром батальона, он давно снискал себе славу настоящего командира. О таких в народе говорят – «слуга царю, отец солдатам». Майора не зря называли Батяней не только в его родной воинской части в Поволжье, но и в других частях, и даже в высших командных кругах. Лавров поистине прошел огонь, воду и медные трубы, но всегда оставался собой. Свои подвиги он никогда не афишировал. Скорее, был склонен помалкивать на этот счет или отшутиться, уводя разговор о своем героизме в сторону. При этом в остальном он был честен и открыт, за что его солдаты любили и уважали, а начальство безмерно ценило.

На занятиях по рукопашному бою следовало поднатаскать бойцов на предмет выполнения некоторых приемов. Возможно, в каком-то другом батальоне комбат бы просто стоял или сидел в стороне и наблюдал, как с личным составом работают инструкторы. Здесь же дело обстояло иначе. Командир батальона не просто присутствовал на занятиях или контролировал их ход, а лично участвовал в тренировочных боях. Едва ротный, соблюдая уставные формальности, напомнил бойцам о важности отработки приемов рукопашного боя, Батяня остановил его. Комбат вышел на середину площадки, стал перед строем и, взглядываясь в лица десантников, заговорил с явным вызовом:

– Вот вы все уже отработали приемы боя со штык-ножом, примкнутым к автомату. А сможет ли кто-нибудь из вас отразить нападение противника, вооруженного саперной лопаткой?

– Так точно! – не сдержался уверенный в себе контрактник.

Лавров подозвал смельчака к себе и приказал снарядить его автоматом со штык-ножом. Сам же взял саперную лопатку.

– Всем внимательно смотреть! – наказал он остальным. – После схватки разберете вместе с ротным ошибки. А то, что они у вашего товарища будут, не сомневайтесь.

Солдат и командир стали друг напротив друга.

– Ну, давай же, сынок. Нападай и, главное, не жалей меня, – дал добро Батяня.

Контрактник напрягся, готовясь к нападению. Крепко удерживая автомат, он сделал выпад и попытался нанести удар в живот. Комбат тут же плашмя ударил саперной лопаткой по стволу в районе газовой трубки со ствольной накладкой. При этом он отвел автомат в сторону, приподнял вверх и подвинул руку так, чтобы она оказалась под стволом. Солдат не успел опомниться, как следующим движением майор поднял автомат под углом чуть менее девяноста градусов. Левой рукой он ухватился за ствольную коробку и дернул автомат влево, заставляя противника потерять равновесие. Тот подал корпус в сторону, чтобы не дать вырвать из руки автомат. Однако майор правой рукой, не отпуская лопатку, заломил свободную руку нападающего и заставил контрактника рухнуть на землю. После этого Батяня имитировал удар саперной лопаткой по голове.

– Ты понимаешь, чем бы закончился этот бой, будь он реальным, – промолвил Лавров, помогая солдату подняться.

– Так точно, – хмуро ответил тот и покосился на сослуживцев. Все они с серьезными выражениями лиц продолжали внимательно следить за происходящим на площадке. На месте моментально поверженного контрактника вполне мог быть каждый из них.

– Ты не обижайся, – уловив настроение бойца, заметил комбат. – Выпады в живот хороши только тогда, когда ты точно знаешь, что противник ослеплен. Горстью песка или солнечным зайчиком – не суть важно. Ситуации, конечно, бывают разные. И на каждую из них свой прием для нападения или обороны вряд ли найдется. Но и ты, и твои братья по оружию должны

научиться сочетать в своих действиях все то, чему вас учили. Все должно быть отработано до автоматизма. В реальном бою враг не даст тебе времени на раздумье. Враг будет тебя убивать. Поэтому решения нужно принимать мгновенно, еще до того, как проклятый супостат начнет выковыривать тебе мозги саперной лопаткой.

Контрактник ловил каждое слово командира, понимая, что тренировка еще не завершена. Батяня на полуслове оборвал свое объяснение и сделал молниеносное движение лопаткой в сторону солдата. Командир опять-таки лишь имитировал удар лопаткой в правое предплечье. Боец, хоть и не ожидал продолжения боя, однако все-таки сумел отреагировать. Он отпрыгнул и быстро ушел в сторону, поднимая с земли автомат. Комбат напирал, норовя нанести новые удары (снова же имитационные). Солдат, раззадоренный неудачей первого боя, на этот раз действовал более умело. Однако весь раунд ему пришлось обороняться. Ни одной атаки он так и не провел. Зато Лавров атаковал и атаковал, пока не свалил солдата с ног при помощи специального приема.

– Для настоящего десантника оружием может стать все, что угодно. Хоть полотенце, хоть доска от забора, – промолвил Лавров.

Солдат согласился с командиром и попросил еще один раунд. Батяня обрадовался солдатскому запалу и готов был выполнить просьбу. Однако к площадке подъехала штабная машина и остановилась прямо напротив места проведения занятий. К командиру батальона обратился водитель начальника штаба полка:

– Товарищ майор, вас срочно вызывают в штаб полка.

– Причина известна? – уточнил он.

– Совещание. Гости из Москвы прилетели, – лаконично отвечал водитель.

– Ну, коль гости из Москвы, то понятно, – усмехнулся Батяня и извинился перед контрактником за то, что третий раунд откладывается.

– Разбирайте ошибки, отрабатывайте приемы. Без ежедневной подготовки настоящим русским десантником не стать, – напутствовал он подчиненных перед тем, как сесть в служебную машину и поехать в штаб полка. Майор прекрасно понимал, что совещание с участием московских гостей может означать лишь одно – новое задание для него с командировкой в какую-нибудь отдаленную страну. Он даже начал вспоминать ленту новостей за вчерашний день, пытаясь определить вероятное место назначения. Однако ничего, что подходило бы под параметры его «заморских командировок», комбат не находил. Оставалось лишь запастись терпением и узнать обо всем из первых уст.

4

Что произошло, то произошло. Повернуть время вспять и что-либо изменить было невозможно. Оставалось лишь воздавать хвалу богу, что по курсу следования самолета оказался этот остров. Если бы его не было, то крылатая машина рухнула бы прямо в океан. При таком раскладе шансов спастись не было бы ни у кого. Ну или почти ни у кого. Остров все-таки сыграл свою важную роль в сведении последствий крушения лайнера к минимуму. Конечно, в идеале хотелось бы, чтобы на нем имелась какая-никакая взлетно-посадочная полоса, но таковой в джунглях попросту не имелось.

С учетом всех обстоятельств сложившейся ситуации и конкретно условий местности, можно сказать, что российский пассажирский самолет посадку на остров совершил удачно. Была в этом заслуга и командира экипажа. Его отточенное за многие годы полетов умение быстро реагировать на изменяющуюся обстановку действительно пришлось как никогда кстати. Однако и на самом острове представилась возможность относительно благоприятного приземления. Самолет сел на редколесье, протаранив при посадке несколько километров деревьев. Был бы там сплошной густой лес, результат приземления мог бы оказаться совершенно иным. Безусловно, при посадке самолет был сильно поврежден. Полет сквозь редколесье привел к тому, что машина потеряла хвостовую часть. Крылья и внешняя часть борта были помяты и местами покоржены.

Остановился самолет метрах в десяти от высокого скального выступа, отделявшего редколесье от густых непроходимых джунглей. Это выглядело как настоящее чудо. Ну или очередное везение в цепи везений, которые сопутствовали данной катастрофе. Однако еще большим чудом казалось то, что самолет не загорелся. Он был доверху заправлен керосином, который вполне мог вспыхнуть, уничтожив самолет и всех, кто находился на его борту. Пожар, случись он на самом деле, мог бы иметь роковые последствия не только для потерпевших крушение, но и для островитян. Пламя могло переброситься на деревья, и вскоре запольхал бы весь остров. Ничего этого не произошло. Спасшиеся благодарили Господа и отходили от недавнего шока.

На момент крушения на борту находились граждане Российской Федерации – представители дипломатического корпуса, торгового представительства, а также их семьи, включая детей разного возраста. Все они эвакуировались из латиноамериканской республики, где происходила попытка военного переворота, и должны были быть доставлены самолетом на родину. Эвакуация завершилась непредсказуемо. В результате крушения десятки пассажиров получили тяжелые ранения. Несколько человек погибли. Незначительные царапины, ссадины, ушибы были практически у всех пассажиров. Раненый командир экипажа сумел связаться по радио с диспетчером в столице одного из латиноамериканских государств. Оттуда информацию перенаправили в Москву. Вскоре стало понятно, что «большая земля» приняла сообщение и пообещала довольно скорое прибытие помощи. «Вы только ждите», – заверил пилота диспетчер, передавая сведения, полученные из России. Обещание обнадеживало. Однако в силу особенностей характера, темперамента, возраста и других качеств пассажиры по-разному реагировали на данную новость. Выдержки после пережитого хватало далеко не всем.

Люди на борту, несмотря на близость или относительно схожий род деятельности, все-таки были разные. Что воодушевляло одного, другого – угнетало, и наоборот.

Командир экипажа капитан Артем Сенников, несмотря на большую потерю крови, старался держаться молодцом. По натуре спокойный и рассудительный, он пытался передать эти свои качества и остальным. В какой-то степени ему это удавалось, но полностью изменить людей, хотя бы на короткое время, было нельзя. Поэтому Сенников в большей степени занимался тем, чем должен был заниматься в сложившейся ситуации. Он старался держать связь с диспетчерами, чтобы внешний мир лишний раз узнал о потерпевшем бедствие самолете и

о координатах его нахождения. Кроме того, капитан держал под контролем все, что касалось самолета. Опереться в этом деле ему было не на кого. Вторые пилоты погибли. Бортпроводницы получили серьезные ранения и не могли передвигаться. Приходилось делать все самому – бегать, объяснять, поддерживать.

Российский посол Александр Викторович Селиванов при катастрофе отделался лишь легким испугом. Упавшая откуда-то газета слегка поцарапала ему лицо. Это оказалось его единственной раной. Посол был немолодой, с заметным животом и проседью на висках. Внешность и манеры выдавали в нем не профессионального дипломата, а крепкого советского хозяйственника. Он выглядел испуганным, однако его страх был связан не с крушением самолета. По крайней мере не только с крушением. Больше всего его мысли занимал вопрос о положении в латиноамериканской республике и о результате попытки военного переворота. Он вбил себе в голову убеждение, что авиакатастрофа стала следствием провокации со стороны повстанцев. Был уверен, что провокационные действия могут повториться уже здесь – на острове.

Селиванов докучал Сенникову просьбами узнать через диспетчеров, кто же взял верх в мятеже и кого российское руководство признает представителем законной власти – повстанцев или засевшего в бункере президента. От этого зависела его дальнейшая судьба как полномочного представителя России в латиноамериканской республике. У него имелись серьезные опасения на счет того, одобрят ли вероятные новые власти республики его кандидатуру в качестве посла. Слишком много ненужных дифирамбов президенту республики спел Селиванов в ряде недавних интервью местным средствам массовой информации. Он понимал, что простить такое повстанцы вряд ли могли. Командир экипажа отказывался использовать неустойчивую связь для выяснения подробностей военного переворота. Радиоприемники, как и мобильные телефоны, у пассажиров на прием не работали.

Казалось бы, тема переворота в не меньшей степени должна была заботить российского военного атташе. Однако занимающий эту должность подполковник Сергей Ткачев проявлять чрезмерного интереса к делам повстанческим не стал. Более того, будучи человеком разбитым и с чувством юмора, он даже умудрялся подшутить над потугами посла выяснить подробности переворота. Всякий раз, когда Селиванов выпрашивал у командира экипажа связь с диспетчерами для получения свежих новостей о мятеже, Ткачев с ухмылкой громко «сокрушался»: «Эх, кто бы мне сказал, с каким счетом завершился футбольный матч между «Реалом» и «Манчестером»?» Безусловно, не все эти шутки понимали. Но в основной массе пассажиры относились к ним более-менее благосклонно, так как юмор помогал снять накопившееся за время катастрофы напряжение. Впрочем, чувство юмора было лишь частью широкой многогранной натуры Ткачева. Если бы атташе просто ходил и хохмил налево и направо, ничего больше не делая, тогда его справедливо можно было бы назвать бездельником или даже разгильдяем. Однако во всех работах, которые неминуемо возникли в первые часы после крушения, он был первым. Перенести, закрепить, разобрать – везде он оказывался не просто советчиком, а наиболее действенным участником. Ведь юмор – юмором, но есть и чувство долга. И чем больше пассажиры видели Ткачева в деле, тем большим уважением проникались к нему. И тот эпизод, когда военный атташе снял перед отъездом российский флаг со здания посольства, стал выглядеть для них совсем иначе.

Потерпевшие катастрофу весьма приблизительно представляли свое местонахождение. Они знали, что попали на остров. После сеансов связи с Москвой и аэропортами других городов были выяснены даже координаты острова. Однако, кроме этих данных, у пассажиров ничего больше не имелось. Что толку от этих координат, если неизвестно, кто обитатели острова, какие у них нравы, кому принадлежит власть. Оказаться на окруженном океаном клочке земли среди племени дикарей-людоедов никто не хотел. Как не было желания узнать, что на острове находится, к примеру, секретная база какого-нибудь государства. Хотелось, чтобы все было тихо, гладко, мирно и, главное, чтобы поскорее эвакуировали домой. И опасения, и мечты

оставались за пределами реальности. В реальности была ночь, костры на обломках самолета и люди, пытающиеся обустроиться в джунглях.

Всем раненым независимо от серьезности травм оказывалась первая помощь. Медикам помогали вызвавшиеся добровольцы. Тяжелораненых перенесли в одно место, создав тем самым эдакий госпиталь под открытым небом. Впрочем, «госпиталь» – это было слишком громко сказано. Ведь ни нужных медикаментов, ни инструментов на борту не имелось. Тогда решили собрать все лекарственные препараты, которые были в персональных аптечках пассажиров. Исключение сделали только для тех лекарств, которые были необходимы при хронических заболеваниях. Их оставили хозяевам, например, астматикам. Все остальное перешло в ведение медиков на общие нужды всех потерпевших катастрофу.

Чуть позже пассажиры взялись за сооружение неких подобий хижин. Для этого использовались куски самолетного дюрала, кресла, пальмовые ветки и листья. Сначала был сооружен навес над ранеными. После этого стали строить хижину для остальных. Работа спорилась, несмотря на поздний час и то обстоятельство, что практически никто из потерпевших катастрофу никогда возведением подобных сооружений не занимался. Укрыться можно было и в уцелевшей части самолета. Пространства для этого там вполне хватало. Однако размещать людей в салоне было очень рискованно. Самолет был доверху наполнен топливом. Не было никакой гарантии, что от постоянных передвижений по салону самолет не накренится, а керосин не начнет течь. Не было гарантии, что случайная искра не воспламенит его. Поэтому из соображений безопасности было принято решение не задействовать самолет в качестве жилища или госпиталя. К тому же хижины стали возводиться где-то в полутора десятках метров от него. Артем Сенников категорически настоял на этом, доходчиво объяснив, что может ожидать всех в противном случае. И хотя кое-кто возражал, основная масса пассажиров согласилась не испытывать судьбу в очередной раз. Выжить в авиакатастрофе, чтобы затем сгореть от собственной беспечности, – это было из разряда абсурдных вещей. Лучше уж поработать на общее благо, сооружая хижины, чем подвергать себя и остальных смертельному риску.

Время перевалило за полночь. Хижины в основном были сооружены. Следовало принять какое-то решение по поводу дальнейших действий. Все уцелевшие, за исключением тяжелораненых и детей, собрались на совещание на площадке между хижинами. Для того чтобы оно не превратилось в балаган, Александр Викторович Селиванов в самом начале озвучил регламент и поставил главный вопрос: «Должны ли мы оставаться здесь до прибытия обещанной из Москвы помощи или же нам следует обыскать этот остров и выяснить, кто здесь проживает?» – объявил он. Вопрос мгновенно вызвал оживление. Посол призвал всех к порядку. Как и следовало ожидать, мнения пассажиров разделились, причем по половому признаку. Женщины в основной своей массе ратовали за то, чтобы оставаться и закрепиться в создаваемом у самолета лагере. А большинство мужчин выступило за проведение разведывательных рейдов по острову. Хотя бы в силу того, чтобы найти питьевую воду, запасы которой быстро иссякали. Это был очень весомый аргумент. Однако женщины выражали опасения, что встреча с местными может обернуться новой трагедией.

– Сколько бы их здесь ни было, их явно больше нас, – говорила пассажирка с перебинтованной поломанной рукой. – Мы не знаем, как они настроены к чужакам. Но мне почему-то кажется, что дружелюбие и гостеприимство им не свойственно. Вы отправите разведчиков. Местные их поймают, так как лучше знают свой остров. А потом нападут на наш лагерь, и поминай, как звали... Я предлагаю никуда отсюда не уходить. Питьевую воду экономить. Костры разводить только ночью. Коль уж Москва пообещала подкрепление, то оно обязательно придет. Пару дней мы вполне можем подождать.

Слова женщины звучали убедительно. Казалось, что еще чуть-чуть – и чаша весов общественного мнения качнется в ее сторону. Однако высказаться попросил Сергей Ткачев.

– Вы говорите о местном населении так, будто они инопланетяне, а мы нечаянные космонавты на их планете, – говорил военный атташе. – Да, результат контакта с ними прогнозировать трудно. Но стоит ли заранее приписывать им сугубо отрицательные черты? На каком основании вы видите в них монстров вроде киношных чужих или хищника? Отсюда до континента рукой подать, если использовать современный транспорт. Каким бы одиноким и заброшенным ни казался этот остров, цивилизация явно коснулась его жителей. Думать, что здешние рыбаки-охотники не отличат нас от тунца или куропатки, по меньшей мере, глупо. Да, помощь спешит к нам. Но сидеть и бездействовать непростительно. Раненым нужен уход и горячая пища. Питьевая вода на исходе. Так почему бы до прихода наших нам самим не завязать контакты с местными, чтобы те нам помогли?

После нескольких минут раздумий и очередного обмена репликами было решено на рассвете отправить для обследования острова самого Ткачева. Тот даже и не отпирался. Всю ответственность за жизнедеятельность лагеря взял на себя Селиванов как «опытный руководитель и правительственный работник со стажем». Никто особо и не возражал. До рассвета оставалось еще несколько часов.

5

Российский военно-транспортный самолет направлялся в Латинскую Америку. Изрядная часть пути осталась позади. Но лететь до точки назначения было еще довольно долго. Русские десантники, летевшие этим спецрейсом, обсуждали подробности предстоящей операции и все, что так или иначе ее касалось. Нельзя было упускать из внимания ни одной детали. Любой, даже самый крохотный, нюанс мог оказаться весьма важным. Именно поэтому майор Андрей Лавров не просто вводил подчиненных в курс дела, но и объяснял все, что только мог объяснить в пределах своих полномочий и элементарной осведомленности.

Подчиненных было немного. Мобильная группа, помимо Батяни, состояла еще из четырех человек. Это все были офицеры младшего офицерского состава. Три лейтенанта, один старший лейтенант. Каждый специалист в определенной сфере. Виктор Томаль был профессиональным снайпером. Самые сложные стрелковые упражнения выполнял легко, даже с завязанными глазами. Семен Богданов слыл отличным связистом. В случае необходимости едва ли не любой предмет в его руках мог превратиться в передатчик или же в необходимую для передатчика деталь. Немаловажное умение в экстремальных условиях. С минами и любыми взрывными устройствами, как художник с красками, управлялся Денис Краморенко. Он неоднократно участвовал в спецоперациях по разминированию тех или иных объектов. Медиком от бога был Юрий Барсуков. Ему прочили карьеру гражданского врача, однако он выбрал путь военного доктора.

Лавров с гордостью смотрел на своих подчиненных. И хоть команду на основе личных дел составляли товарищи из Москвы, выбор их казался безупречным.

– Самолет едва потерпел крушение, а мы уже летим на помощь. Чудеса новейшего времени, – заметил снайпер.

– Ничего удивительного, – возразил связист. – Я вполне представляю, откуда такая оперативность. Когда самолет исчез с экрана радаров, наши зафиксировали координаты. Затем просто сверили их с подробной картой того региона. Обнаружили остров и сделали предположение о вероятности спасения пассажиров после катастрофы. В Москве начали шевелиться. А когда пилот разбившегося самолета сумел-таки окольными путями передать в Россию сообщение, шевелиться стали еще больше.

– Вот и до создания нашей группы дошевелились, – усмехнулся медик.

– Да, Сеня, – обратился Батяня к связисту. – В общем ты описал все очень близко к реальности. Голова у тебя хорошо варит. Может, еще и наше задание в общих чертах опишешь?

– Никак нет, – с улыбкой промолвил он. – Это ваша привилегия, товарищ майор.

– Ох уж хитер, черт. – Лавров ответил подчиненному улыбкой и начал объяснение: – Итак, каждый из вас уже в курсе, что российский пассажирский самолет потерпел крушение у берегов Латинской Америки. Замечу, что рейс это был необычный и внеплановый. Попытка военного переворота в одном из латиноамериканских государств вынудила наших дипломатов и других российских граждан эвакуироваться. Но по неизвестной причине самолет рухнул. Сразу хочу сказать, что не наше дело выяснять, почему это все-таки произошло. Москва поставила перед нашей группой другие задачи и определила наши полномочия в другой плоскости деятельности. Если говорить коротко, то это исключительно спасательная операция. Уверен, что каждый из вас к ней готов. Из предоставленных Москвой материалов следует, что каких-либо особых опасностей там нет. Не может же представлять опасность поселок мирных рыбаков. Но мы должны быть готовы ко всему. Когда падает самолет, который эвакуирует людей из зоны военного конфликта, то определенные вопросы по этому поводу возникают сами собой...

Майор сделал небольшую паузу.

– Вот я тоже думаю так, – в обход формальностей субординации вставил свою реплику сапер. – Не зря ведь им понадобился специалист вроде меня.

– Это, к слову, вполне может быть так, – не стал возражать Батяня. – Естественно, если мы обнаружим там нечто такое, с помощью чего наши спецы сумеют выяснить причины катастрофы, то займемся и этим. Но, в целом, повторюсь, у нас спасательная операция. Если говорить детально, то она состоит вот в чем. В установленное время самолет войдет в назначенный квадрат и снизится на расчетную высоту. Тут уж наши пилоты должны позаботиться, чтобы все происходило предельно точно и четко. Как только самолет снизится, на грузовом парашюте выбросят надувной моторный катер вместе с нами. Оружие, боеприпасы, необходимый запас сухого пайка – все будет сброшено в районе острова тогда же.

– То есть прямой высадки на остров, как я понял, сначала не будет? Десантируемся на воду? – с позволения майора уточнил Богданов.

– Ты правильно понял, – подтвердил командир и пояснил: – Мы действительно десантируемся не на сушу, а на море. Разведанных по острову мало. Пускать над этим лоскутком суши самолет рискованно. Мало ли к чему это может привести и чье внимание привлечь. Поэтому десантируемся в пятнадцати километрах восточнее острова. Самолет разворачивается и летит дальше по своей программе, которая нас не должна волновать. Мы же после приводнения заводим катер и берем курс на остров.

Лавров выложил на общее обозрение распечатку вида острова с космоса и продолжил объяснение:

– Вот сюда мы должны прибыть. – Он указал на северо-восточную часть острова. – Это чуть в стороне от рыбацкого поселка. Лишнего внимания к себе мы привлекать не будем. Но если придется, то тогда уж придется. Дело ведь по-всякому повернуться может. Но пока мы исходим из того, что условия для нас окажутся идеальными. В идеале, мы должны прибыть на указанную часть острова и, воздерживаясь от контактов с местными жителями, прочесать местность до точки, которая считается предполагаемым местом крушения самолета. Выйдя на эту точку, мы должны будем взять под охрану наших граждан. Судя по переданному оттуда сообщению пилота, большинство пассажиров выжило. Но есть раненые. Думаю, что для тебя, Юра, – комбат обратился к медику, – работы там будет предостаточно. Конечно, мы все будем помогать тебе. Ну а вообще нам необходимо будет взять наших соотечественников под свою охрану. Насколько это растянется во времени, сказать трудно. Меня инструктировали так, что к острову для эвакуации потерпевших должно прийти кубинское судно. Вот до его прихода мы свято обязаны защищать наших граждан, что бы там ни происходило. Если понадобится, то для выполнения этой задачи мы применим оружие.

– А как там сами пассажиры? Не станут ли они лезть на рожон, пока нас нет? – поинтересовался Томаль.

– Вот здесь уж никто никаких гарантий дать не может, – без обиняков ответил майор. – Списки эвакуируемых у меня есть, но без каких-либо характеристик. Неизвестно, какой у кого характер и темперамент. Может, кто-то из них останется у самолета, а кто-то двинется обшаривать островок, искать себе на задницу приключений. Группа ведь довольно большая, и нельзя исключать, что какой-нибудь «активист» найдется. Будем надеяться, что такая личность не вляпается в историю. А если вляпается, то уже тем более наш долг вытащить бедолагу. Оружия, насколько меня информировали, у пассажиров быть не должно. Поэтому при вероятном осложнении защищаться потерпевшим нечем. Если, не дай бог, там окажется некий противник, то до нашего прихода соотечественникам придется туго...

– Будем надеяться, что до рассвета наши сограждане на острове никакой рискованной самодеятельности проявлять не будут, – сказал Краморенко. – Среди них есть военный атташе. Он-то должен трезво оценить ситуацию и не допустить лишнего риска.

– Да-а-а, мужики... – задумчиво протянул Батяня, у которого фамилия, имя и отчество военного атташе из списка пассажиров вызвали какие-то смутные то ли воспоминания, то ли ассоциации. – Пока все, что мы сейчас с вами говорим, остается лишь гаданием на кофейной гуще. Прибудем на остров, разберемся в реальной обстановке на нем и уж тогда начнем быстро реагировать на все, что там будет происходить.

Участники мобильной группы согласились. До выхода в назначенный квадрат оставался еще час лету. Десантники переключились на житейские разговоры с шутками, анекдотами, невыдуманными историями из повседневной жизни. Но чем ближе становился час икс, тем меньше реплик слышалось от каждого из них. Несмотря на наличие опыта, волновались все. Батяня переживал за подчиненных. Подчиненных будоражил скорый прыжок в неизвестность. «Сколько раз десантировался, а все равно внутри беспокойно, будто перед первым свиданием», – отважился описать данное ощущение Богданов и усмехнулся. Напарники расплылись в улыбках, вспоминая кто первое свидание, кто первый прыжок с парашютом.

В данном случае прыгать с парашютом не требовалось. Для десантирования была задействована специальная парашютная бесплатформенная система, позволявшая выбросить с парашютами катер вместе с экипажем и грузом. Незадолго до выхода самолета в указанный квадрат пилоты предупредили десантников. Те быстро, но без суматохи заняли свои места на особых сиденьях с подвесной системой и подножкой для ног и ремнями-наколенниками. Когда все закрепились на своих местах, они поочередно отрапортовали командиру о своей готовности. Комбат промолвил: «С богом!» – и связался с пилотами, чтобы те открывали заднюю рампу.

Рампа медленно опускалась. Катер осторожно скользил по ней и вскоре оказался за бортом самолета. Дальше дело оставалось за парашютной системой с подкладочной амортизацией. Сработали вытяжные парашюты. Катер дернулся, но не так сильно, как дернулся бы, будучи не оснащенный данной системой. Десантники практически не ощутили это на себе, они пытались высмотреть место возможного приземления. Хотя надобности в этом не было, да и что-то разглядеть внизу, находясь в упомянутых специальных сиденьях, никто не мог. Самолет делал разворот. Пилот некоторое время поддерживал связь с Батяней, комментируя процесс десантирования. Но вскоре, в силу известных причин, был вынужден попрощаться, пожелав десантникам удачи.

Погода была почти безветренной. Катер на нескольких парашютах опускался вниз. Ночь давно отступила, сдавая свои позиции рассвету. Безоблачное небо впечатляло синевой. Впрочем, в этой синеве русские не находили того неизменно родного, что всегда видели в небе России. Чужая страна, чужое небо, и чувство долга – спасти оказавшихся в беде соотечественников.

Самолет все удалялся, пока и вовсе не исчез из поля зрения. Никаких других летающих объектов в радиусе десяти километров не находилось. Возможно, где-то сновали стайки птиц, но им до спускаемого на парашютах катера не было никакого дела. А появившись здесь самолет какой-нибудь страны, все могло повернуться иначе. Операция планировалась с таким расчетом, что авиалинии на момент десантирования в том квадрате задействованы не будут. Однако это не исключало незапланированной встречи с нежелательным воздушным судном.

Несмотря на определенные опасения на данный счет, на этот раз все обошлось. Это же касается и морских судов. На десятки километров вокруг была лишь тихая океаническая гладь. И только на западе на горизонте виднелись темные точки. Однако это были не суда, а верхушки деревьев, произраставших на острове, на который русским десантникам предстояло вскоре прибыть.

Подкладочная амортизация смягчила приводнение. Участники группы дружно и громко выкрикнули: «Ура!» – и поздравили друг друга с удачной посадкой. Теперь было самое время отсоединять себя от всевозможных подстраховок системы, собрать парашюты, проверить катер на наличие-отсутствие повреждений, заводить мотор и брать курс к точке назначения. Батяня

отдал соответствующие приказы. Участники мобильной группы живо приступили к выполнению задания. Все было в порядке. Никаких поломок, повреждений или чего-то такого, что могло бы помешать дальнейшим действиям группы, выявлено не было. Вводная часть операции завершалась.

6

Тем же ранним утром с юго-востока к острову подошел катер. Подошел бесшумно, на веслах. Двигатель специально отключили за несколько километров до острова. Делалось это с явным намерением не привлекать внимания жителей рыбацкой деревушки. На борту находилось с десятков крепких, хорошо вооруженных людей. Руководил ими Хуан Эскабальдо.

– Давайте еще тише, – полушепотом обращался он к крепышам. – Эти пожиратели селедки не должны нас услышать. Нам нужно сделать все так, чтобы пройти незамеченными мимо их деревни.

– Да сделаем все как надо, – поспешил заверить один из громил. – Мы же не в первый раз такой работой занимаемся. Да и денег нам сулят хороших. Так что не сомневайся. Все будет в порядке.

– Очень скоро мы это проверим, – как можно более нейтрально промолвил Хуан, но все равно в его словах чувствовалось недоверие. – Учтите, что и мне, и вам отвечать перед самым доном Хулио Гарсией. А вы все знаете, что значит держать ответ перед ним. Если что не так, то лучше будет сдохнуть прямо на этом чертовом острове, чем возвращаться к нему на яхту с плохими новостями. Это понятно?

Все закивали, а один из сидящих на веслах со скорбным видом произнес:

– Еще бы! Я слышал, что кто-то из нашего брата провинился перед ним. То ли деньги из-под носа увел, то ли с его бабенкой тогдашней переспал. Так дон Гарсия приказал связать его и спустить на веревках в море. Так, чтобы голова и плечи торчали из воды, а все остальное было под водой. Сделали, а яхту повели туда, где всегда куча акул вьется. И там водили ее туда-сюда, пока это зубастое рыбе пожирало бедолагу заживо. А пока тот вопил от боли и страданий, дон Гарсия попивал коктейль и слушал старые пластинки.

Эту жуткую историю все слушали молча, будто она действительно леденила кровь. Однако стоило ей завершиться, слушатели зашептали: «Ну и правильно сделал, что скормил. Не фиг разевать рот на деньгу хозяина. Да и под юбку к бабе своего босса лезть нечего», – таким был общий настрой громил, по крайней мере, внешне. Эскабальдо ведь хорошо видел, что буквально каждый на этой моторке, включая его самого, до чертиков боится крючконого главаря.

– Я знаю, что все вы преданы дону Гарсии. – Эскабальдо наконец попытался вернуть себе инициативу в разговоре. – Но еще раз повторю – хозяин не потерпит наших ошибок. Мы должны выполнить все так безупречно, чтобы даже комар носа не подточил. Проберемся тихо мимо деревни и рванем в глубь острова. Туда, где рухнул русский самолет. Мы должны кое-что найти среди его обломков и багажа.

– Что же там могло быть у этих русских послов такого, раз дон Гарсия заинтересовался? – прозвучал вполне закономерный вопрос от одного из бандитов.

Не успел Хуан открыть рот, как тут же встрял со своими соображениями другой:

– Да наверняка бумажки какие-нибудь важные.

– А на черта ему эти документы? – Тема стала захватывать и остальных.

– Как на черта? В столице заваруха. Непонятно, кто возьмет верх. А дон Гарсия при любом раскладе должен быть в выигрыше. Может, у русских есть как раз такие документы, которые наш босс использует для укрепления своего положения.

– И что в них такого?

– Ну кто знает?! Может, этот... Как его там... Компармат, – проговорил с ошибкой громила на веслах. – Компармат и на президента, и на повстанцев...

– Заткнитесь, наконец! – злобно прошипел Эскабальдо. – Не вашего ума дела! Наша задача – отыскать то, что нам укажут.

– Так ты сам не знаешь? – спросил детина, который до этого лишь молча внимал всему, что говорили другие.

– Дон Гарсия сообщит обо всем по радию! – продолжал шипеть Хуан. – Мне лично. А уж потом – я вам. Скажет искать документы – будем искать документы. Скажет искать дерьмо – будем искать дерьмо!

Верховод группы был явно на взводе и не орал лишь потому, что не хотел быть услышанным на острове. Встреча с местными жителями никак не входила в планы бандитов. Казалось бы, какая угроза могла исходить от в общем-то простых с виду рыбаков? Но угроза все-таки была, и не такая уж маленькая, как могла показаться кому-то на первый взгляд.

Дело в том, что бандитский главарь Хулио Гарсия давно был знаком со здешним сельским старостой Габриэлем Корсегой. Знакомство это было не из приятных. В свое время они очень сильно конфликтовали между собой. Гангстер пытался прибрать остров к рукам, стараясь дискредитировать алькальда в глазах жителей рыбацкой деревни. Он взялся разоблачить местные культы, объясняя жителям, что староста половину из них придумал сам. А что не придумал, то якобы переврал. Хулио превратил одну из священных полей в футбольное поле для своих головорезов. Они гоняли мяч, доказывая тем самым, что духи, вопреки проповедям Корсеги, не мстят за поругание святого места. Вера части островитян в тот момент сильно пошатнулась. Именно на это и рассчитывал тогда Хулио. В таких условиях можно было поднять вопрос о переизбрании старосты. Бандит бы протолкнул на выборах кандидатуру своего ставленника, а тот бы уже стал управлять деревней исключительно в интересах Гарсии.

В тот день, когда бандиты гоняли мяч, а полселения в смятенных чувствах безмолвно наблюдали за этим, Корсега с группой мужчин был в море и ловил рыбу. Когда Гарсия громко хохотал и кричал, что все эти духи выдумка, из толпы вышла лишь двенадцатилетняя девочка Есения – внучка старосты. Она, как отважный волчонок, набросилась на бандитского босса. Тот сперва опешил, но потом еще сильнее расхохотался и коршуном налетел на девчонку, срывая с нее одежду и пытаясь повалить на землю. Толпа возмутилась. Часть мужчин рванула спасать девочку из грязных лап насильника. Однако «футболисты» стали на их пути с автоматами.

Есения, несмотря на возраст и неравные силы, сопротивлялась как могла – била бандита кулаками, плевала ему в лицо. Но это лишь еще больше раззадоривало Гарсию. Он уже был готов публично изнасиловать девочку. Однако из деревни прибежали вернувшиеся с моря рыбаки во главе со старостой. Все они были вооружены до зубов. У самого Габриэля в руках была снайперская винтовка. Дело едва не дошло до столкновения между бандитами и рыбаками. Староста прострелил главарю мягкие ткани руки и предупредил, что следующий выстрел будет в голову. Хулио был вынужден капитулировать и отпустил девочку.

Под прицелами винтовок и автоматов бандитов выпроводили с острова. На прощание Корсега сказал: «Ты утверждал, что духов нет и они не мстят. Но сейчас ты и твоя шайка убедились в обратном. Уходите и не возвращайтесь сюда ни под каким предлогом. Иначе духи принесут вам неминуемую смерть. И неважно, поглотит ли вас огненная бездна или же вы разобьете свои черепа о пули, выпущенные из наших винтовок». Угроза очень впечатлила бандита. Невзирая на желание отомстить, он все-таки старался держаться от острова подальше. Что касается Корсеги, то этот инцидент лишь поднял его авторитет среди жителей деревни.

Все, кто ранее усомнился в своей вере, раскаялись и попросили прощения за свое преступное бездействие. Ведь даже без старосты они вполне были в состоянии оказать сопротивление бандитам, стоило лишь взяться за оружие. Это ведь только с виду и алькальд, и все местные рыбаки были такими безобидными. На самом деле вся мужская часть деревни при необходимости могла превратиться в весьма боеспособный отряд. Несмотря на кажущуюся заброшенность острова, он был все-таки частью латиноамериканской республики, и все пригодные по состоянию здоровья мужчины прошли срочную военную службу в вооруженных силах страны. На острове не было полиции. За правопорядком следили сами островитяне под

руководством алькальда. Особых конфликтов внутри рыбацкой общины не случалось. Однако буквально в каждом доме имелось оружие. И после инцидента на священной поляне все еще раз осознали: для чего им это оружие необходимо в первую очередь. На случай нападения чужаков у них даже был разработан особый план, основанный на принципах партизанской войны. Почти все жители хорошо ориентировались в здешних джунглях. И в случае более-менее крупного конфликта с бандитами готовы были воспользоваться в том числе и этими знаниями. Однако время шло, а ни единой бандитской вылазки так и не случилось.

Историю семилетней давности о происшествии на острове Хуан Эскабальдо знал из третьих уст. Сомневаться в ее правдивости не приходилось. В противном случае дон Гарсия вел бы себя иначе и не повторял бы несколько раз одно и то же: «В деревню не соваться». А между тем всем давно было известно, что босс, отдавая приказы, никогда по два раза не повторял их. Поэтому порученцу приходилось сдерживаться и заставлять сдерживаться своих громил.

Катер причалил к безлюдному берегу. В том месте, где заросли довольно близко подступали к воде. Бандиты один за другим вышли на сушу. Совсем не шуметь не получалось. Под ногами постоянно что-то хлюпало и шелестело. Впрочем, это не демаскировало злоумышленников, так как звуки сливались с шумом утренних джунглей. Со всем этим пением и клекотанием птиц, жужжанием насекомых и трескотней неизвестного происхождения. Мужчины затащили моторку на берег и припрятали среди зарослей. Бросать ее без присмотра не решились. Хуан велел одному из детей остаться ее караулить. «Держи ухо востро!» – сказал он новоиспеченному часовому и повел оставшуюся часть группы в глубь острова.

Деревня еще спала где-то по правую руку от курса, по которому они следовали. По крайней мере никаких голосов с той стороны не доносилось. Это радовало. Однако Эскабальдо при возможности отводил группу левее, надеясь подстраховаться еще больше. Тем более что ему приходилось выходить по рации на связь с боссом и информировать того о ходе операции. И хоть сообщать особо было не о чем, Хулио Гарсия едва не ликовал уже от того, что сама высадка на остров удалась без происшествий. Сам же никакой дополнительной информации своему порученцу не давал, лишь напоминал о пункте назначения.

Верзилы продвигались сквозь джунгли, держа автоматы наготове. При этом никто точно не знал, что они будут делать, если встретят по пути кого-нибудь из местных. Даже единственный выстрел поднял бы на уши всю деревню, чего делать было нельзя. Впрочем, Эскабальдо был вооружен пистолетом с глушителем, а у нескольких крепышей автоматы были оснащены штык-ножами.

Пройдя несколько сотен метров, бандиты услышали впереди чьи-то голоса. Хуан подал сигнал, и все замерли как вкопанные. Нужно было понять, кто там находится и чего от них можно ожидать. Голоса были исключительно мужские. Язык, на котором общались эти мужчины, был испанским. Обычным испанским, в том виде, в котором его привыкли слышать по эту сторону Атлантического океана, – никаких намеков на чужестранный акцент. Хуан сообразил, что голоса вряд ли могли принадлежать пассажирам разбившегося самолета. А между тем шум голосов нарастал. Там, впереди, было не два-три незнакомца, а целая куча людей. Могло так стать, что их там даже больше, чем всех громил, вместе взятых. Порученец переглянулся с участниками группы и жестом отдал команду спрятаться. Ему это казалось единственно верным решением в возникшей ситуации. Нарываться на бой смысла не имело.

7

Как и было решено на импровизированном ночном совещании, Сергей Ткачев с первыми лучами солнца отправился обследовать остров. Военный атташе был еще довольно молодым и крепким мужчиной. Кабинетная работа отнюдь не убавила в нем силы, ловкости и умения хорошо ориентироваться на местности. Он старался двигаться в одном и том же направлении, чтобы в итоге выйти к берегу.

Ткачев был максимально осторожным, стараясь не выдать шумом своего присутствия. Пройдя несколько километров, он вдруг услышал резкий звук чуть в стороне от себя – шорох, шелест, треск. Словно кто-то бежал через соседние заросли. Это мог быть и зверь, и человек. Атташе пригнулся и стал отходить в противоположную сторону. Ему хотелось на время преградить свой путь, чтобы спрятаться и переждать, пока шум не прекратится.

Отходя, русский почти совсем не смотрел под ноги. Впрочем, даже если бы и смотрел, то мог бы и не заметить едва заметное отличие цвета растительности в одном месте. Как только он ступил на эту слегка поблекшую, перемешанную с ветками траву, нога ушла вниз. Сергей свалился в яму. Несмотря на неожиданный поворот событий, он сумел в самый последний момент сгруппироваться. В противном случае его путь на этом бы и закончился. Причем не только путь по острову, но и жизненный. Дело в том, что внутри ямы был вбит огромный деревянный кол. Будь у атташе реакция чуть помедленнее, то наверняка он упал бы на острие кола. Наделся бы, как жук на иголку. Он понял, что попал в ловушку, поставленную на какого-то зверя. На какого именно зверя она была рассчитана, гадать не хотелось. Одолевали иные мысли.

Яма была очень глубокой. Метра три или даже три с половиной. Возникла идея использовать кол в качестве подставки. Но ее пришлось сразу же забраковать. Да, кол был большим. Но от дна ямы до верхушки кола длина составляла метра полтора. Даже если бы и удалось забраться на него, то что делать потом, было неясно. На острие особо не устоишь. Но даже если бы острие отсутствовало, то преодолеть остаток расстояния до поверхности все равно было бы проблематично. К тому же после падения атташе ощутил боль в правой руке. Перелома не было, но вывих случился однозначно.

Ткачев сидел на дне ямы-ловушки и лихорадочно соображал, что предпринять. Он осознавал беспомощность своего положения. Своими силами из ямы выбраться было невозможно. Разве что научиться летать или ползать, как паук. Оставался только один возможный вариант: кричать и звать на помощь. Однако на крик мог прийти кто угодно. Это могли быть и потенциальные друзья, и вероятные враги. Да и зверье всякое тоже могло притащиться. Но вариантов для выбора не оставалось.

Русский собирался с духом, чтобы позвать на помощь. Тем временем на поверхности послышались голоса. К яме приближалась довольно большая группа людей, говоривших между собой по-испански. Сергей невольно поежился и прислонился к земляной стене, будто хотел в нее вжаться. Голоса не пропадали. Люди явно двигались к яме. Они заметили попавшего в ловушку человека и тут же обратились к нему, предлагая помощь. В яму были брошены веревки. Сергей не без колебаний закрепил их на себе. Рыбаки, а это были именно они, осторожно вытащили его из западни.

Военный атташе поблагодарил рыбаков за спасение. Те сказали, что рады помочь, если человек добрый. Пояснили, что пришли на помощь, так как в деревне случайно услышали шум от падения в яму. Одна из крайних хижин деревни находилась неподалеку. Правда, они не стали объяснять, почему так быстро собрались и пришли к яме довольно большой вооруженной группой.

Рыбаки, включая алькальда, заметили, что у попавшего в ловушку не было оружия. Да и то, что он ранен, определили по бледности лица.

– Я уже каюсь в том, что мы когда-то наставили этих ловушек, – обращаясь к своим товарищам, произнес Корсега. – Думалось, что будем так от хищников защищаться, а оказалось, что мирный человек угодил... Вообще-то мы стремимся жить в гармонии со своей родной землей. Все делаем для этого. Но случается, что внешние обстоятельства берут верх над нашими помыслами.

Ткачев слушал старика, а в глазах мутнело. Вывих оказался куда серьезнее, чем казалось. Да к тому же выяснилось, что он еще и ногу подвернул. Стоять было трудно, голова закружилась. Русского повело в сторону, и он едва не упал. Однако рыбаки удержали его, не позволив рухнуть на землю или, не дай бог, снова в яму. Алькальд приказал отнести раненого в деревню.

– Вы иностранец? – наконец любопытствовал Габриэль, хотя с самого начала предполагал, откуда этот незнакомец взялся.

– Да. Я из России, – проговорил Сергей. – Дипломат. Наш самолет упал на ваш остров. Он сейчас лежит в джунглях. В основном все пассажиры остались живы. Но есть пострадавшие, которые нуждаются в помощи. Именно за помощью я и отправился.

– Хорошо, хорошо... – закивал староста. – Мы знаем, что самолет разбился, и сами собрались на его поиски. Вы запомнили точное место падения?

– Назад добраться я бы смог, – промолвил атташе. – Ну или хотя бы по карте показать...

– Сейчас мы придем в деревню. У меня есть подробная карта. Тогда и покажете, – Корсега выразил готовность помочь.

За группой рыбаков, уносящих в деревню постороннего, из укрытия следили бандиты. Эскабальдо напрягал слух, чтобы разобрать реплики старосты и вытащенного из ловушки незнакомца. Несмотря на плохую слышимость, порученец бандитского главаря уловил общий смысл разговора. Он понял, кем является незнакомец и чем может быть полезен. Русский дипломат мог бы привести громил прямо к самолету, да еще и помочь найти то, что бандиты собирались искать. В добровольность его помощи Хуан не верил. Зато он верил в чудеса, которые творит десяток наставленных на человека автоматных стволов. Однако возникал вопрос: как отбить русского у рыбаков и не нарушить условий, поставленных боссом? Пришлось ожидать, когда группа скроется в деревне, хвататься за рацию и связываться с доном Гарсией.

Главарь выслушал рассказ порученца и продолжал настаивать на своем: с группой рыбаков в бой не вступать. Однако приказал дождаться, когда те уйдут в джунгли, оставив деревню без должного числа защитников. Как только это произошло бы, Хуан вместе с громилami должен был выкрасть русского дипломата.

– А если придется стрелять? – дрожащим голосом уточнил Эскабальдо.

– Стреляйте. Успех операции важнее, чем сохранение мира с этой чертовой деревней, – после нескольких секунд раздумья промолвил Гарсия.

Бандиты подобрались ближе к деревне. Однако по-прежнему старались быть незаметными и продолжали следить за тем, что происходило в деревне.

Ткачева, между тем, доставили в хижину старосты. Последний, как и обещал, дал русскому карту острова. Тот без особого труда сориентировался по ней и указал место крушения самолета. Корсега без отлагательств приказал созвать большинство мужчин для вылазки в указанное место. Сергей объяснил еще некоторые детали, и алькальд покинул хижину, оставив раненого под присмотром девятнадцатилетней внучки Есении. Атташе, хоть и ослаб, но красоту юной креолки оценил.

Габриэль обратился к рыбакам с краткой речью, где разъяснил цель и характер их похода в глубь острова. Он взывал к благородству присутствующих. Напоминал о местных легендах, о духах. После короткой молитвы рыбаки отправились в путь.

Хуану не терпелось выйти из укрытия и повести за собой или лучше всего – перед собой своих верзил. Однако торопиться не стоило. Нужно было выждать более-менее продолжительный отрезок времени, прежде чем приступить к активным действиям. В противном случае они сильно рисковали. Рыбаки могли вернуться и устроить бандитам такую баню, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Порученец то и дело поглядывал на часы. Казалось, что они не работали и стрелки двигались лишь по инерции. Пять минут. Десять. Пятнадцать. Слишком медленно. Но надо было ждать. И лишь когда с момента ухода рыбаков прошло ровно тридцать минут, Эскабальдо поднялся в полный рост и скомандовал: «Пора!»

Бандиты двинулись в деревню. Они были уверены в своей безнаказанности. По крайней мере в тот момент. Местоположение хижины старосты они знали приблизительно. Поэтому остановили попавшегося на пути подростка и бесцеремонно стали выпытывать у него нужную информацию. Парнишка, увидев кучу вооруженных верзил, оторопел и не мог проронить ни слова. Непрошенные гости схватили его и потащили за собой. Рассчитывали, что вид захваченного парня обязательно поможет развязать язык кому-нибудь из местных. Вскоре на их пути показалась немолодая женщина. Она сильно испугалась пришельцев с автоматами. Но еще больше ее испугало то, что с ними был местный паренек.

– А ну, старуха, говори, где хибара вашего алькальда! – заорал Хуан. – Если не скажешь, то мы отстрелим голову этому вашему щенку! И будь уверена, что это все не шутки.

Один из громил наставил автомат на заложника и передернул затвор.

– Ну, она вон там стоит, – женщина указала рукой в глубь деревни. – Большая такая. Заметная очень. Отпустите мальчика.

– Заметная, говоришь? – предвкушая легкий захват русского дипломата, прошипел Эскабальдо.

– От остальных отличается, – попыталась говорить старая рыбацка, однако ее никто уже не слушал.

Подростка оттолкнули, ударив прикладом автомата. Та же участь постигла и женщину. Но если она упала без чувств, то парень живо оправился от удара. Он отскочил в сторону и окольными путями побежал на другой конец деревни, чтобы поднять тревогу. Несколько мужчин там все же оставались. Так что имелся хотя бы призрачный шанс отбить бандитский налет.

Бандиты бежали к дому старосты, как стадо диких буйволов. От нетерпения они забыли о мерах предосторожности. Их топот и разговоры были слышны за версту. Порученец отчитывался перед боссом и обещал, что вопрос очень скоро будет решен. Расстояние до хижины старосты неумолимо сокращалось.

То, что в деревне творится что-то неладное, внучка алькальда поняла как раз по несвойственному поселению шуму. Есения осторожно выглянула на улицу. Толпа вооруженных незнакомцев быстрым шагом шла к дедушкиному жилищу. Недолго думая, девушка рванула внутрь и схватила винтовку. Она сделала в точности так, как на протяжении семи лет ее учил Габриэль, готовя на всякий случай к отражению бандитского вторжения.

– Что ты делаешь? – спросил Ткачев у вооружающейся девушки.

– Настало время... – начала объяснять Есения, однако с улицы послышался резкий мужской голос. Его обладатель выдвигал ультиматум, обращаясь ко всем, кто мог находиться в хижине алькальда. Это был Эскабальдо.

– Мы не хотим кровопролития. Просто отдайте нам русского посла, – кричал он, по-прежнему неправильно называя должность Ткачева. – Мы даем вам на это пять секунд. Итак, я считаю до пяти. Если на счет «пять» мы не увидим никаких подвижек с вашей стороны, то начнем стрельбу. Я начинаю. Один... Два...

Атташе хорошо слышал и понимал смысл слов. Он посмотрел на внучку старосты и спросил:

– У вас еще есть оружие?

– Ты собираешься левой рукой отстреливаться? – вместо ответа поинтересовалась она.

– Три... – донеслось с улицы.

– О, черт! Моя рука, – будто только что вспомнив о вывихе, выругался русский. – Ну почему я левой не научился стрелять?!

– Четыре... – не останавливался порученец.

– Тебе лучше спрятаться в дальнем закутке, – посоветовала девушка Сергею, передергивая затвор винтовки.

– Не натвори дел, – промолвил русский.

Есения, не ответив, ушла на примитивную террасу при хижине.

– Пять... – закончил отсчет Хуан.

Девушка тут же вскинула винтовку, молниеносно выглянула из-за угла и пальнула по бандитам. Пуля прошла мимо, но сам факт выстрела вызвал среди них замешательство. Никто не ожидал вооруженного сопротивления. Пока они отходили от ступора, внучка алькальда снова появилась из-за угла. На этот раз она стреляла прицельно. Пуля задела одного из громил. Они быстро перегруппировались, стараясь спастись от новых выстрелов. Кто-то просто залег на землю. Кто-то укрылся за небольшой земляной насыпью. Едва девушка попыталась произвести еще один выстрел, как в ее направлении был открыт шквальный огонь.

– Ты зря это затеяла, маленькая шлюшка! – проорал порученец, озлобившись еще и из-за того, что увидел противника. – Одумайся, пока не поздно!

Ткачев, слыша это, сразу же обратился к Есении с предупреждением:

– Не отвечай ему. Он хочет услышать тебя, чтобы понять, где ты находишься.

Девушка, несмотря на строптивый нрав, к совету русского прислушалась и не ответила бандиту.

Хуан плюнул со злости и приказал начать беспорядочную стрельбу одиночными по хижине. Понять, что так можно было ранить или даже убить россиянина, никто из них не мог. Впрочем, Сергей с самого начала стрельбы перебрался в противоположную часть жилища. Достать его там даже автоматной очередью было проблематично.

Есения сильно рисковала. Она обошла хижину с другой стороны и уже оттуда выпустила еще одну пулю. На этот раз наугад. Горячий свинец чиркнул Эскальдо по щеке. Он вздрогнул, почуввав, как кровь засочилась из раны. Животный страх овладел им. Он уткнулся лицом в землю, боясь новой, уже более точной пули. Из глубины деревни бежали несколько мужчин. Тех самых, кого поднял по тревоге подросток. Рыбаки были вооружены автоматами. Решимости дать отпор противнику им было не занимать. Еще на дальних подступах к месту дислокации бандитов местные открыли огонь. Это в очередной раз обескуражило громил. Операция по захвату русского дипломата явно затягивалась и превращалась в настоящий бой. При всем высокомерном отношении бандитов к жителям пули последних были отнюдь не безопасны. Проводить карательные акции против безоружных людей – это одно. А вступать в бой пусть и с самоучками, но готовыми к войне, – совершенно иное. Однако вступить пришлось.

Рыбаков было гораздо меньше, чем громил. Но они вели довольно плотный огонь, силясь отбросить противника от деревни. Противник не сдавал позиций. Есения, постоянно меняя место расположения, продолжала изводить врагов винтовочными выстрелами. Перестрелка затягивалась, но преимущества так никто и не получил. Запас патронов у рыбаков начал иссякать. Надо было отправлять кого-то на другой край деревни за НЗ. Деревня хоть и не являлась особо крупной, но путь все-таки отнимал добрый отрезок времени, что было на руку бандитам. Последние, ощутив слабину противника, начали медленно наступать. Рыбаки, экономя патроны, пятились. Внучка старосты вдруг перестала проявлять активность. Громилы подбирались к хижине все ближе и ближе. На лице Хуана Эскальдо играла самодовольная улыбка.

8

Надувной катер с русскими десантниками двигался в сторону острова, оставляя за собой длинный пенный шлейф. Они использовали GPS-навигатор, входивший в снаряжение. Если возникали хоть малейшие сомнения по поводу правильности показаний навигатора, то в ход шла карта. Впрочем, особых отклонений от курса не наблюдалось. Все складывалось весьма и весьма удачно. Единственным минусом представлялся лишь тот факт, что самолет разбился где-то в глубине острова. На лодке туда доплыть нельзя. Хотя Батяня рассматривал и этот вариант в случае наличия на острове более-менее крупной реки. Однако за отсутствием таковой вариант пришлось отбросить. Участники группы морально готовились к тому, что останки рухнувшего самолета придется искать на довольно большой территории. Пока никакой зацепки о хотя бы приблизительном их местонахождении у десантников не было. В данных, предоставленных Москвой, фигурировали лишь общие координаты острова, но никак не кабины пилотов, откуда командир экипажа подал сигнал бедствия.

К берегу русские пристали чуть в стороне от того места, где местные обычно выходили на рыбалку. Катер вытащили на берег и собирались обсудить свои дальнейшие действия. Однако неожиданно стало совсем не до каких-то совещаний и обсуждений. Со стороны деревни слышались выстрелы.

– Ничего себе здесь жизньюха, – присвистнул Томаль, хватаясь за снайперскую винтовку.

– Настоящий бой, – констатировал Батяня, наводя на деревню бинокль.

Ничего конкретного рассмотреть не удалось.

– Не к добру все это, – промолвил комбат и обратился к участникам группы: – Бежим. Но не забываем о нашей легенде для местных. Поэтому оружие надо бы замаскировать.

Группа стремительно побежала к деревне. Десантники навскидку определили ее часть, откуда ранее слышались выстрелы. Ведь в момент перебежки выстрелы прекратились. Командир напоминал об осторожности. Ни причины, ни источники стрельбы десантникам были неизвестны. Можно было запросто угодить в ловушку и быть обстрелянными из двух смежных хижин. Поэтому русские по возможности избегали подобных мест. Проскакивали их. Бежали вплотную к некоторым постройкам. Стрельба не возобновлялась. Наконец они прибыли к своей неожиданно появившейся цели.

Одна из хижин была изрешечена пулями. Если ночью внутри нее включить прожектор, то наружу сочилось бы не менее сотни лучей. Обстрелянное жилище выглядело побольше и посolidнее, чем большинство остальных построек. Лавров уже только по этому определил, что это жилище местного старосты. Правда, для себя и среди своих бойцов командир называл его не старостой или алькальдом, а вождем. Ни одной живой души вокруг не замечалось. Чуть в стороне лежали два бездыханных тела. Судя по всему, это были трупы из числа тех, кто совершил налет на деревню, а выяснить точно, так ли это, возможности не представлялось. Томаль и Краморенко подобрали автоматы. Русская группа рассредоточилась, и снайпер с сапером ворвались в хижину для обыска. Внутри никого не было. Оставались лишь следы недавней активности, включая тряпки для наложения компресса и еще пару вещей, необходимых для оказания помощи при вывихе.

– Кого-то лечили, – прокомментировал Юра Барсуков, оглядывая место оказания помощи с точки зрения профессионального медика.

– Но, видимо, не долечили, – хмуро отреагировал на его слова комбат и жестом скомандовал выходить на улицу.

Недалеко от хижины появились местные. В основном это были женщины и дети. Но подтягивались и мужчины с обновленными боекомплектами. Однако к очередным гостям все отнеслись с меньшим опасением. По непонятной причине эта группа воспринималась жите-

лями иначе. Даже мужчины держали автоматы стволом к земле, демонстрируя лишь их наличие. Однако это вовсе не означало, что новых пришельцев никто не боялся. Их опасались, но по какой-то причине вышли навстречу.

Юрий, как знаток испанского, по просьбе Батяни обратился ко всем. По сути, он переводил им то, что говорил майор.

– Не бойтесь. Мы не причиним вам вреда. – Барсуков озвучивал слова командира, сочиняя некоторые моменты прямо по ходу изложения. – Мы украинские бизнесмены. Ну, как бы купцы из далекой страны. Из города Донецка. Есть такой город. Далеко отсюда. Мы в ваших краях по делам. Однако и отдыхать тоже надо. Вот взяли катер и решили выйти в море на рыбалку. Морская рыбалка – это потрясающе. Мы все ее любители. Но во время рыбалки двигатель катера заглох. Весел у нас нет, вот и пришлось довериться течению. Тем более что мы давно видели ваш остров на картах. Но до сих пор не наведывались сюда.

– А вам и не надо сюда наведываться, – сказал, словно отсек, один из рыбаков. – Зачем вы сюда с оружием пришли?

– Это ваши трофеи. Мы их вам возвращаем, – опять-таки со слов командира говорил медик, указывая на трупы. – А если вы нам не верите, то можете посмотреть документы. Они в порядке. А во-о-он там стоит наш катер.

– Что-то не верится, чтобы бизнесмены из неизвестной страны случайно оказались у нас в гуще событий, – произнес местный. – Может, вы хотите прибрать наш славный остров к своим рукам?

– Ничего мы не хотим. Починим двигатель и уедем, – не выдержал Лавров и перешел на испанский, насколько ему позволяли его языковые знания. – Мы просто услышали выстрелы и прибежали к вам. Но мы так и не поняли, кто с кем здесь воевал. А в хижине никого не нашли. Если вам нужна наша помощь, то мы готовы вам ее оказать. Но если вы ничего нам не расскажете, то помочь не получится. И, кстати, Украина довольно известная страна. Она раньше была одной из республик СССР.

– Так вы русские! – с радостью воскликнул рыбак, услышав с детства знакомую аббревиатуру, а все остальные тут же разделили его ликование.

– Да нет же. Мы украинцы, – вынужден был заверить их Лавров.

Местные пристально смотрели на пришельцев, назвавшихся украинскими бизнесменами. Участники перестрелки и ее невольные свидетели отметили, что мужчины ничуть не похожи на тех громил, которые ранее напали на деревню. Большинство нападавших были типичными латиносами. А среди «украинцев» смуглые мужчины хоть и были, но их смуглость являлась следствием загара, а не расовых или национальных особенностей. В конце концов, на местных действовало обаяние Батяни и его бойцов. Островитяне привыкли во многом доверяться интуиции и ощущениям. И в данном случае они чувствовали, что от белых людей исходит положительная энергия. Это помогло разговорить жителей деревни и услышать пусть не все, но кое-что важное из того, что десантники хотели узнать.

Местные не сказали, кто совершил нападение на их селение. Они этого и не знали. Зато поведали, что на берегу неподалеку от деревни стоит еще одна лодка. Что эту лодку охраняет вооруженный тип.

– Допустим, что эти бандиты прибыли на лодке, – стал подталкивать их к рассуждению комбат. – Для чего им понадобилась обстреливать именно эту хижину?

– Это дом алькальда Габриэля, – ответил один из рыбаков. – Здесь был русский. Самолет упал. А русский искал, кто бы оказал помощь ему и его землякам. Он вывихнул руку. У нас пробыл меньше часа. Мы сами не понимаем, откуда они о нем узнали и зачем он им нужен. Да и внучка алькальда куда-то исчезла...

Десантники переглянулись. Часть их предположений оказалась верной. Батяня уточнил насчет того, как выглядел русский. В толпе нашлась женщина, которая начинала ухаживать

за атташе и хорошо его запомнила. Она дала почти фотографическое описание невольного гостя хижины алькальда. Выслушав ее, комбат попытался представить полный портрет русского. Данный портрет явно смахивал на давнего товарища Батяни, с которым когда-то вместе были курсантами в Рязанском институте ВДВ. Правда, тогда это заведение еще называлось военным училищем. С выводами можно было ошибиться. Мало ли какие черты у разных людей оказываются схожими! Однако уверенность в том, что на острове оказался именно его товарищ, подтверждалась списком потерпевших крушение. Еще в самолете командир мобильной группы заметил данные знакомого. Сейчас же местные дали описание того же человека. Казалось, что все это не могло быть случайностью и стечением обстоятельств. Лавров давным-давно не виделся с Ткачевым, но был уверен, что последний мало изменился за те годы, что прошли после окончания военного училища. Разве что возмужал.

Все эти нюансы Батяня быстро прокрутил у себя в голове и принял решение выдвинуться к лодке противника. Он оповестил об этом своих бойцов, и они побежали в указанном направлении. Местным пришлось лишь удивляться, откуда у «украинцев» такая прыть и смелость бежать без оружия в руки вооруженных головорезов. Бойцы, покинув пределы деревни, демаскировали свои автоматы. Майор, наконец, озвучил свои соображения: «Возможно, что этот русский, о котором говорили местные, является нашим военным атташе. Поэтому надо быть предельно осторожными и не допустить, чтобы он пострадал во время нашей атаки. Наверное, там же и внучка местного вождя. Не могла ведь она просто так взять и исчезнуть». Действительно, лодка, похожая на катер из дюраля, стояла на берегу, но разглядеть ее отчетливо из-за растительности не удавалось. С одной стороны, это явилось неудобством. Но с другой – заросли давали русским хорошую возможность подойти к катеру незаметно. Комбат сразу это понял и повел группу таким образом, чтобы никто не попал в поле видимости хозяев плавсредства.

До катера оставалась около сотни метров. Бойцы сбросили скорость и продолжили движение так, чтобы не выдать свое присутствие раньше времени. Они держали автоматы наготове и вслушивались в каждый шум, доносившийся со стороны берега. Определить, что происходило у катера, пока ни у кого не получалось.

9

В лагере потерпевших катастрофу царило уныние. Надежда, которая согревала их сердца еще ночью, стремительно таяла. Надо всем витал дух безысходности. Все, что ни делалось, казалось лишенным смысла. Лечить раненых возможности не было. Положение многих из них оказалось более тяжелым, чем это представлялось накануне. Им становилось все хуже и хуже, причем едва ли не с каждой минутой. Несколько из них находились в настолько критическом состоянии, что дальше уже было просто некуда – или немедленная профессиональная помощь, или летальный исход. Если мужчины сдерживали свои эмоции, то женщины этого сделать не могли. Они были близки к панике. Ситуация представлялась им исключительно в мрачном свете. «Мы все здесь погибнем, не дождавшись помощи», – считала большая часть пассажиров разбившегося самолета. Дети раз за разом плакали, словно вторили этим настроениям.

Уговоры мужчин действовали лишь на время. Хотелось свежих вестей с «большой земли». Большинство взоров было направлено на командира экипажа. Раненный, он держался из последних сил. Не падал духом и старался передать свое настроение другим. Чтобы успокоить женщин и отдельных мужчин, Артем Сенников сделал для всех сообщение:

– Недавно я ходил к самолету. Рация каким-то чудом еще работает. Я попытался связаться со всеми, с кем можно только связаться. Выяснилось, что подмога вот-вот должна прийти.

– Да это все то, что вы говорили нам раньше! – возмущалась одна из женщин, подозревая, что пилот обманывает их.

– Ее подтвердили, – как ни в чем не бывало отреагировал пилот. – А кроме того, дали еще и дополнительные сведения. С Кубы сюда было отправлено специальное санитарное судно. Оно должно нас всех эвакуировать с этого острова. Так что в любом случае нам всем необходимо успокоиться и просто подождать его появления.

Несмотря на спокойный тон командира экипажа, оптимизма пассажирам его слова не прибавили. Александр Викторович Селиванов и хотел бы, чтобы потерпевшие крушение вновь обрели надежду на спасение и перестали нагнетать атмосферу. Однако в то же время он прекрасно видел множество проблем, которые реально усугубляли положение и выбивали почву из-под ног любого оптимистического сценария. Так, оставалась неизвестной судьба военного атташе. Тот ведь обещал пройти по острову с целью разведать его и вернуться в лагерь еще до наступления полудня. Время шло, а Ткачев все еще не объявлялся. Его отсутствие порождало у пассажиров дикие предположения: от того, что атташе был растерзан хищными зверями, до попадания в плен к местным каннибалам. Это при том, что никто ничего в подробностях о здешней фауне и об обитателях острова не знал. Остров для всех без исключения потерпевших представлял собой загадку.

Посол, взяв на себя роль лидера, оказался в сложной ситуации. Он не мог контролировать все и вся. Не каждый готов был полностью подчиниться ему. Особенно те пассажиры, что в латиноамериканской республике были связаны не с посольством, а с другими ведомствами. Много возникало вопросов по раненым. Им нужны были уход и лечение. Как это делать в сложившихся условиях, Селиванов не знал. Но и смотреть на то, как люди мучаются, было невыносимо. Приходилось выкручиваться. Использовать остатки аптечного обеспечения самолета, а также аптек пассажиров. Собранного было мало. Подход санитарного судна был бы спасением для многих.

Помимо нужды в лекарствах, потерпевшим крушение требовалась питьевая вода. Прежние запасы иссякали. Воду экономили, так что люди, как раненые, так и здоровые, мучились от жажды. Тех глотков, которые разрешалось делать, явно не хватало для ее утоления. Отправить кого-нибудь на поиски пресного водоема Александр Викторович не мог по той простой при-

чине, что здоровых мужчин в лагере было мало. В основном раненые. Те же, кому посчастливилось остаться после катастрофы целыми и невредимыми, проявлять инициативу не спешили. Кивали друг на друга. Говорили об опасности. Искали отговорки. Даже когда встал вопрос о необходимости найти пропавшего Ткачева, реакция мужчин была все той же. Вместо некоторых из них отвечали их жены. «Если вам надо, то сами идите и ищите!» – говорили они послу. В принципе посол мог бы отправиться на поиски, если бы не страх, который он испытывал. Конечно, виду он не подавал и свое нежелание отправляться объяснял с помощью надуманных доводов. Мол, нельзя оставить лагерь без руководителя. Все делали вид, что это действительно так. Хотя в общем и целом было ясно, что без Селиванова ситуация в лагере изменится мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.